Сорок три ступени вверх по лестнице

Параскева Кларк. 1931. Торонто, Канада
© Library&Archives Canada

Этот дом, расположенный по улице Роксборо в Торонто, никак не продавался. И район удобный, и соседи хорошие, но покупатели приходили, смотрели его, хвалили, вздыхали и уходили думать, не возвращаясь. В 1940 году люди только начинали приходить в себя после Великой депрессии, и даже если имели денежные средства, то подолгу думали, прежде чем совершить сделку. Но дом не покупали, скорее всего, и по другой причине: он стоял на высоком холме, и чтобы до него добраться, нужно было преодолеть… сорок три ступени.

Видимо, дом ждал Параскеву. Ещё не стара, легка, подвижна, упряма. Первый в жизни свой дом, который и присниться ей не мог. Судьба, по-видимому, запрограммированная на преодоления, – что для неё ступеньки! И потому, когда муж спросил, нравится ли, уверенно ответила: «Да!»

Она очень любила этот дом. Окно. Сад. Мастерскую, расположенную в бейсменте (нижнем этаже). Здесь прожила долгую непростую и неспокойную жизнь, но всегда, несмотря ни на что, устремлённую вверх, к вершине, к победе. Сюда, к родному гнезду, убежав из дома престарелых, стремилась добраться на закате своих дней, на девятом десятке. Смогла добрести до лестницы и упала – жизненные силы оставили её. Когда в 1986 году она умерла, дом продали, новые жильцы сразу же занялись реконструкцией: первым делом они освободились… от сорока трёх ступеней.

Плисса

Параскева родилась в 1898 году в Санкт-Петербурге в семье Ольги Фёдоровны и Авдея Якимовича Плистик. Её мама, скорее всего, была коренной петербурженкой, а отец был родом из села Жабина, что расположено у Городка, в 35 километрах от Витебска. Родители папы были крестьянами, хотя, по семейной легенде, когда-то их роду с польскими корнями принадлежали земли. В начале 90-х годов XIX века Авдей решил попытать счастья в большом городе. Устроился на обувную фабрику «Скороход», встретил Ольгу, женился. Она была человеком творческим – занималась изготовлением и продажей цветов из ткани, так что запах краски и разноцветье, радующее глаз, в доме появились раньше, чем родилась Параскева. Дома её называли Паней.

Отец Параскевы Авдей Плистик. 1923 Петроград © Library&Archives Canada

Дом, в котором Параскева Плистик жила до 1922 г. Петроград Фото Т. Петруняк. 2015. Санкт-Петербург

Семья Плистик жила по адресу: улица Верейская, 45, квартира 2. Эту квартиру выделили отцу как рабочему обувной фабрики. Жильё походило на будущие коммуналки – одна довольно просторная комната с маленькой кухней в уголке, а если выйти из комнаты и пройти по длинному коридору, то попадёшь на общую для всех соседей большую кухню. Кроме Параскевы подрастали в семье Плистик сын Захар и дочь Полина. В те же годы они смогли приобрести небольшой продуктовый магазинчик. Родители покупали и читали книги, которые хранились у отца под кроватью – книжного шкафа не было, да и места для него тоже. Авдей с Ольгой мечтали об образовании для своих детей. В её автобиографиях школьное время обозначено с 1906 по 1914 год, в некоторых – по 1916-й. В любом случае, она получила неплохое образование, особенно для девочки из рабочей семьи (по данным переписи 1897 года – за год до рождения Параскевы – в Санкт-Петербургской губернии было выявлено 55 процентов грамотных).

После обучения работала с отцом в магазине, но не об этом она мечтала. Больше всего в жизни ей хотелось стать актрисой, выступать на сцене, иметь красивые наряды. В некоторых источниках можно прочитать, что она училась на актёрских курсах. Нет, этого, к её сожалению, не случилось. Кто знает, как повернулась бы её судьба, но началась Первая мировая война. Жить стало намного тяжелее. Вскоре и Авдей, и Ольга заболели пневмонией в тяжёлой форме. Отец выжил, а мама, которой было 39 лет, умерла в 1915 году. Не сохранилось ни одной её фотографии. Только коробку с кусочками бумаги и тканей возила потом Параскева за собой по свету.

Полина Плистик, сестра Параскевы. 1923. Петроград © Library&Archives Canada

В том же году она пошла работать в контору фабрики «Скороход», где встретила Эльзу Брахмин, дружбу с которой сохранила на долгие годы. Не известно, кто начал «величать» Параскеву «Плисса» или «Плиска», но с этого времени её называли так многие. Скорее всего, это случилось с лёгкой руки Эльзы, которая была большой выдумщицей, сочинительницей стихов, романтической натурой, певуньей, весёлой девчонкой, лет на шесть старше своей подруги. Эльза подталкивала Плиссу идти учиться рисовать. Но как? Денег на образование у отца не скопилось, бросить работу было нельзя, да и мечты о театре не оставляли в покое. «А ты пойди в художественную школу», – посоветовала Эльза подруге, зная, что та умеет хорошо

Параскева Аллегри. 1922. Петроград
© Library&Archives Canada

Орест Карлович Аллегри со своей женой Екатериной. Прибл. 1924
Шато, Франция © Library&Archives Canada

срисовывать, и полагая, что школа будет ей по карману. Оказалось, что студия художника Савелия Зейденберга находилась не так далеко от «Скорохода», и занимались там по вечерам, после работы. Почему не попробовать? Так случилось, что она попала к Мастеру.

Савелию Моисеевичу было тогда за пятьдесят. Это был художник, известный своими историческими зарисовками, пейзажами. Он окончил Санкт-Петербургскую академию искусств, получал серебряные и золотые медали на академических выставках и даже был удостоен звания «классного художника исторической живописи I-й степени». Преподавал он в собственной Школе живописи и рисования (впоследствии был педагогом в других студиях и институтах), был членом Общества художников имени А.И. Куинджи. Его учениками были Шагал, Анненков и – мы можем добавить – Параскева Кларк. Но не будем забегать вперёд.

Идёт 1916-й предреволюционный год. «Плиска» учится рисовать, у неё получается, и ей это нравится. Эльза очень этому радуется. Живётся тяжело и голодно, но очень весело – молодость! Они, две хохотушки, смеются по любому поводу.

В студии Плисса знакомится с двоюродным братом Эльзы Яковом Раскиным – молодым человеком из богатой еврейской семьи. Он был симпатичным, интеллигентным, общительным, объединяло их и общее увлечение рисованием. И Плисса ему очень нравилась. Но как это часто бывает в жизни, первая любовь закончилась драмой. Времена были смутные, ненадёжные: семья Якова решила перебраться в Берлин. Яша обнимал Плиссу на перроне, и они понимали, что прощаются навсегда. Из Берлина он пришлёт ей свою акварель – она долго будет висеть у Параскевы над кроватью. Потом он женится на русской девушке, благодаря которой чудом спасётся во время Второй мировой войны.

Революция во многом изменила жизнь Параскевы. Частные школы закрывались, в том числе и школа Зейденберга, в которой она училась в течение двух лет. Академия художеств была упразднена, и в её здании размещались Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские, куда принимались все желающие. Образование там было бесплатным, кроме того, студентам платили стипендию – у Параскевы появилась возможность уйти со «Скорохода» и заниматься целый день тем, что любила. Революция для неё, молодой девушки из рабочей семьи, была связана с обретением свободы и осуществлением мечты, с ощущением счастья, праздника. Она подняла её в собственных глазах на несколько ступенек, и этот романтический идеализированный образ Революции-радости она пронесёт через всю свою жизнь.

Своим педагогом она выбрала Василия Ивановича Шухаева – молодого тридцатилетнего художника, окончившего Академию художеств и создавшего к тому времени немало портретов, в том числе офицеров и солдат Первой мировой войны (в качестве вольноопределя-

ющегося Василий был на фронте). После революции он стал профессором живописи в Петроградском училище барона А.Л. Штиглица, а с 1918 года – преподавателем в Петроградских свободных художественно-учебных мастерских, и Параскева становится одной из его первых учениц. Она называла класс Шухаева «классом неоклассицизма». По целому месяцу студенты рисовали одну и ту же модель, в одной и той же позе. У Параскевы это не очень хорошо получалось: «Иногда Мистер Шухаев садился за мной со вторым мелом – двумя разными резинками, и волшебным прикосновением большого пальца он создавал чудесное гладкое "плечо" и говорил после этого: "Ну теперь ты знаешь, как". Но это не было так легко для меня...»[1]. Трудно представить, как восприняла Плисса следующее событие, но зимой 1920 года Василий Шухаев со своей женой и другой супружеской парой художников по льду перешли границу и поселились в Финляндии, а затем во Франции.

Так Параскева попадает в класс художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина. «Его строгий, но точный рисунок карандашом, ручкой или тушью был мне очень близок. Он пользовался ограниченным количеством цветов спектра, но достигал необычайной яркости и света, очаровывающих меня. Это не было ни натуралистическим, ни реалистическим, не походило ни на что, к чему я привыкла. Его рисунок был классическим в своей простоте, почти абстрактным, но с внутренним теплом жизни. Чуть более года мне посчастливилось быть в студии Петрова-Водкина, где меня опекал сам Петров-Водкин, старшие ученики и где велись незабываемые беседы об искусстве – это стало основой моего художественного образования...».

Зейденберг. Шухаев. Петров-Водкин. У каждого из них последовательно Параскева занималась в юности не более двух лет. Однако неординарная личность Петрова-Водкина, его размышления об искусстве и сами работы восторгали юную ученицу, казалось, наконец-то она нашла свой путь, который указал ей педагог.

Поиск себя, своего дела, обретение Учителя, понимающих друзей, взаимной любви, рождение ребёнка, не только прикосновение к театру, который ещё несколько лет назад казался божественным и недоступным, а работа и, в прямом смысле слова, жизнь в нём – самые счастливые события Плиссы произошли в тяжёлые, жестокие, парадоксальные, но для многих полные энтузиазма времена. Вопреки и благодаря им.

Аллегри

Орест Карлович Аллегри – сын итальянских дирижёра и балерины – ещё в юности переехал в Россию. С 1887 года работал помощником декоратора и декоратором Императорских театров. Считался непревзойдённым мастером в построении архитектурно-перспективных декораций. Как писал о нём в своих воспоминаниях актер Г.М. Мичурин, был он «магом и чародеем»[3]. После революции Аллегри продолжал работать театральным декоратором.

Первый муж Параскевы Орест Аллегри
Прибл. 1922. Петроград © Library&Archives Canada

Слева направо: Екатерина, Бен, Параскева, Павел Аллегри
Прибл. 1923. Шато, Франция © Library&Archives Canada

О.К. Аллегри. Дом и сад семьи Аллегри в Шато. 1929 Бум., акв. Франция © Library&Archives Canada

У Ореста Карловича было трое детей от первого брака с Софией, итальянской подданой, – Орест (его сестра-двойняшка умерла), Павел и дочь Ольга. Второй женой после смерти Софии стала Екатерина Павловна (фамилию установить не удалось), русская красавица, моложе Ореста, дама энергичная, говорившая по-французски. Аллегри был от неё без ума. Однако удачливому в работе, таланливому, весёлому по характеру человеку выпало много горя в жизни.

В 1918 году его старшего сына Ореста, согласно законам Италии, забрали в итальянскую армию. Писем от него не приходило, и Орест-старший очень переживал. «Писем все не было, – пишет Г.М. Мичурин, – и Аллегри, когда-то плотный и крепкий, на глазах наших становился худеньким, а пиджак его – широким, подчёркивая необычную щуплость владельца»[4]. Затем, наконец, они должны были встретиться в Париже, куда семья Аллегри собиралась переехать по приглашению С. Дягилева, но они разминулись, не получив писем друг от друга. Оресту Карловичу было тяжело и оттого, что дочь Ольгу забрали на лечение в психиатрическую больницу.

Орест-младший на фронте получил контузию, перенёс тиф, остался жив, и казалось, что всё худшее в его жизни уже произошло. Вернувшись в Петербург, он начал работать над декорациями для Большого драматического театра вместе с Николаем Бенуа (Кокой), Владимиром Щуко и Мстиславом Добужинским. Г.М. Мичурин писал: «Передо мной стоял совсем молодой ещё человек, ниже среднего роста, с чудесной улыбкой, очень красившей его. Совсем не похож он был на Ореста Карловича, но стоило ему заговорить, и сразу вспоминался его отец в этом самом декорационном зале... Через некоторое время возникла среди них девушка-маляр с улыбчатым русским личиком, уже к апрелю обогащавшимся множеством веснушек. Я стал невольным свидетелем развития её романа с Орестушкой»[5].

Маляр?! Ну нет, Параскева к тому времени уже имела пусть немного сумбурное, но художественное образование. Набирали студентов в помощь декораторам, и она, услышав волшебное слово «театр», оказалась в мастерских Большого драматического (в некоторых источниках указывается Малый) театра.

Слово и правда было волшебным, иначе откуда бы появился Принц? Они были почти ровесники с Орестом, сразу же понравились друг другу, и уже не расставались – в 1922-м поженились, жили прямо в театре. Вскоре родился сын Бенедикт, Бенечка, Бен. Орест называл его по-итальянски «Бенедетто», сам смастерил для него кроватку. Утром убегали на работу, оставляя малыша костюмерше. Занятия у Петрова-Водкина были заброшены.

Аллегри-старший выхлопотал для всех троих визы во Францию, и уже не мог дождаться их приезда. Планировал сына и невестку привлечь к семейному бизнесу по изготовлению сценических декораций. Всё складывалось как нельзя лучше. Однако слишком коротким был этот счастливый кусочек времени. Александр Бенуа в своём дневнике записывает 13 июля (1923 г. – *М.Л.*): «Какой кошмар! Какой кошмар! Утонул Орестик Аллегри. Утонул третьего дня, как раз в день, когда мы получили письмо от Екатерины Павловны... Узнали мы это ужасное известие от его пришедшей среди дня жены, от его вдовы, той не слишком серьёзной но, может быть, милой барышни, на которой он женился год назад и которая на Пасху его одарила сыном...

С женой и этим Бенедетто на руках, пешком (ибо у них не было денег на трамвай) в страшную жару, но весёлый... он отправился в среду навестить сестру Ольгу... Параскеву Авдеевну с ребёнком оставили на берегу, а Орестик и Оле-

П. Кларк. Вид на сад (Overlooking a Garden). 1930. Бум., темп., акв. 40,1x51,4 © Art Gallery of Hamilton. Гамильтон, Канада

П. Кларк. Воспоминания о ленинградских общественных банях (Leningrad Memories Public Bath) 1965. Панель, м. 82х102,5. Частная коллекция. Торонто, Канада

П. Кларк. Воспоминания о Ленинграде (Memories of Leningrad). 1955–56. Х., м. 86х90,8 Частная коллекция. Торонто, Канада

ся разделись и среди копошившейся в воде детворы бросились в воду. Орестик плавал очень ловко и несколько раз нырял, но вдруг (каких-то не более трёх-четырёх сажен ширина) замахал руками и стал биться. Сидевший неподалеку рыболов, которому стоило войти в воду, чтобы протянуть ему руку, сунул ему только свою удочку, за которую он слабо ухватился и которая ушла в сторону. Тут рыболов стал расшнуровывать сапоги, но Орестик, взмахнувший ещё раз, погрузился на дно. Олеся в это время подплыла к этому месту, но, не умея нырять, не могла спасти брата, тем более что пришлось бы маневрировать между обломками затонувшей баржи. И вот был мир, радостный, весёлый – и вдруг ничего! Бедняжка убита горем и не знает, что предпринять... Но, кажется, она склоняется к отъезду...»[6].

Параскеве 23 года. Вдова с трёхмесячным ребёнком. Отец ей ничем не может помочь, да к тому же он был против её брака. Пока она живёт с Беней у своей подруги Эльзы Брахмин. «Помните, – напишет Эльза своей подруге в начале 30-х годов, – как мы с вами жили вместе в холодной комнате и как нам было тепло? Хорошая штука юность...»[7].

В тот период Параскева сделала рисунок карандашом и акварелью, который впоследствии стал основой картины «Memories of Leningrad» («Воспоминания о Ленинграде») 1941-го и её повтора в 1955–56 годах. Мать держит на руках маленького сына, рядом стоит кроватка (не та ли, что смастерил Орест?). За окном ночь. Одиночество. Печаль.

Она всё же решается на отъезд. Орест Карлович и его жена, судя по всему, были людьми с чутким сердцем. Екатерина Павловна и мачехой не побыла для Ореста-младшего, ни она, ни Аллегри-старший не успели, по-видимому, познакомиться с Параскевой, кроме того, девушка не была их круга, однако они сделали всё, чтобы Параскева и внук переехали к ним во Францию, в дом, который находился в Шато (14 км от Парижа), понимая, что берут их на иждивение. «Я очень рад, что Вы с Бенечкой здоровы и вам хорошо, – напишет в 1931 году Параскеве отец Авдей Якинович Плистик, который раньше был против её и Бени переезда во Францию, – немного поплакал от радости, что есть на свете добрые люди, как твои новые родители, которые приняли тебя как родную дочь»[8]. Через несколько лет Аллегри будет писать Параскеве письма, называть её Белочкой и подписываться в конце письма – «Папа».

П.Кларк. Автопортрет (Myself). 1933. Х., м. 101,6х76,7
© Национальная галерея Канады

Поначалу Параскева чувствовала себя в Париже неуютно. Вскоре она предложила Аллегри отпустить домработницу и все домашние дела взяла на себя – так она чувствовала себя более независимой и спокойной. Очень горевала по Оресту, по родным, друзьям.

Зимой 1924 г. она получила письмо от младшей сестры Полинки: «Здравствуйте, дорогие наши Паня и Бенечка. Милая Паня, какой у нас сегодня счастливый день. Мы получили твоё письмо от 28/12, 23 года, за которое мы тебе очень и очень благодарны... Милая Паня, я вижу из твоего письма, ты довольна праздником. Я так рада за тебя. У тебя теперь такое хорошее платье (Моя мечта иметь синее платье). Да у тебя и сумочка есть хорошенькая... Милая Паня, Бенечке безусловно везёт. Ну и слава Богу, я так рада за него, что он такой толстый, розовый и так прекрасно одетый, что тоже много значит...»[9]. Летом 1925

года: «...посылка из Парижа. Боже, как я обрадовалась. Когда я развернула пакет, я сразу узнала платье. Ты в нём снята на карточке. Боже, какое шикарное, какой шёлк, а какой дивный бархат. Да и вообще и фасон очень мил. На мне сидит великолепно. Будто сшито на меня. Паня, как я тебе за него благодарна...»[10].

За карандаш и кисть Параскева бралась не часто. «В Париже я мало писала, эпизодически, выкраивая время от домашней работы. Но мой разум, мои глаза рисовали всё время...»[11]. Известны два пейзажа того времени, в одном из которых критики усматривают влияние Сезанна, в другом – Петрова-Водкина, а также автопортреты 1925 и 1929–30 годов, написанные в Шато. Какой себя видела Параскева Аллегри в 1925-м? Серьёзной, взрослой, намного старше своих лет. Сильный характер. Тёмные краски, тёмный, почти чёрный фон. Портрет написан маслом. Автопортрет 1929–30 годов намного «легче», прозрачнее. Это акварель небольшого размера. Симпатичная молоденькая женщина, знающая себе цену. Едва уловимая улыбка. Этот портрет она пошлёт своему будущему жениху.

Со временем на душе стало полегче. Павел – младший сын Аллегри обратил на Параскеву серьёзное внимание, начал ухаживать за ней, предлагал ей руку и сердце. Аллегри берут её с собой на выставки, концерты (однажды перед ней сидел сам Пикассо с женой), в гости к ним приходят очень интересные люди.

Отдав сына в пятидневную школу, она смогла пойти на работу. Устроилась в парижский магазин, который продавал венецианское стекло, статуэтки из дерева, скульптуру и другие предметы искусства. Она с удовольствием вырвалась из дома, прочь от плиты и стирки. Садилась на поезд и ехала в шумный Париж. В течение дня в магазин заходили художники, специалисты по интерьеру, дизайнеры – с ними было интересно разговаривать. Появились свои собственные деньги, независимость. Она стала красиво одеваться, подкрашивать губы...

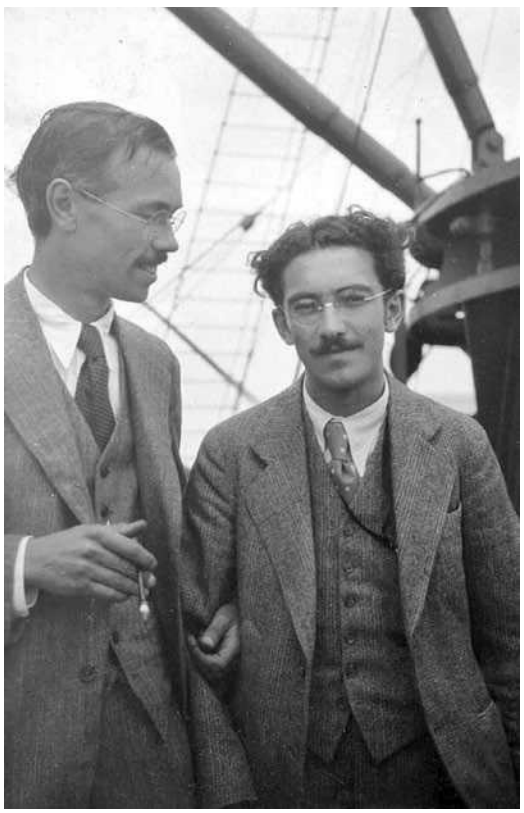
Предположить, насколько круто изменится её жизнь в очередной раз, она, конечно, не могла.

Кларк

Два друга приехали в отпуск в Париж из Канады. Зашли в магазин, где работала Параскева, купить подарок. Симпатичные, оба с усиками, в очках. Мюррей Адашкин был молодым музыкантом – скрипачом и композитором, Фи́лип Кларк, повинуясь желанию отца, оканчивал финансовое отделение университета, оставив мечты о карьере пианиста ещё в 18 лет. Как выяснилось позже, оба они были очарованы необычной милой девушкой, которая с акцентом говорила по-французски и плохо – по-английски.

Не будем описывать всех деталей развития её отношений с этими молодыми людьми и с Павлом Аллегри – дело молодое, только неуклюжая поначалу переписка с Фи́липом на двух языках одновременно (Параскева учила англий-

Параскева Кларк с сыном Беном Аллегри 1934. Канада
© Library&Archives Canada



Будущий муж Параскевы Фи́лип Кларк (слева) и его друг Мюррей Адашкин на теплоходе по дороге в Париж. 1929
© Library&Archives Canada

П. Кларк. Пшеничное поле (Wheat Field). 1936. Х., м. 63,6x76,5
© Национальная галерея Канады

П. Кларк. Резиновые перчатки (Rubber Gloves). 1935. Х., м. 51x61,2
© Art Gallery of Hamilton. Гамильтон, Канада

П. Кларк. Набросок для витрины магазина «Eaton's». 1935. Бум., кар., тушь
© Художественная галерея Оттавы. Канада

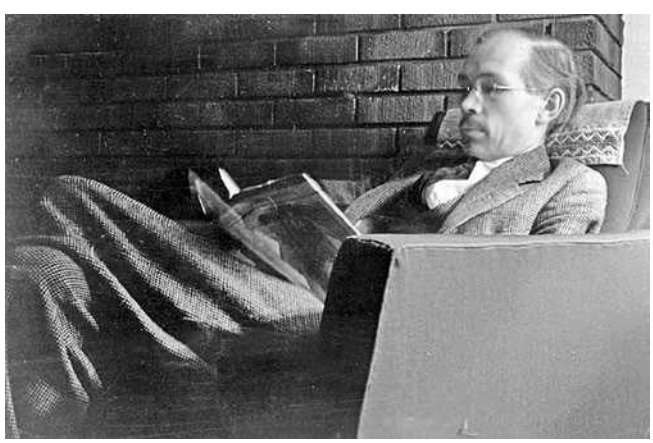
ский) закончилась через два года тем, что в 1931 году Фи́лип приехал во Францию второй раз, чтобы забрать Параскеву с Беном в Канаду навсегда.

Они расписались в Лондоне по пути в Канаду. Это был очень необычный брак для образованного, обеспеченного канадца: ни отец, ни другие родственники понять этого не могли. Слишком много было намешано для них в образе Параскевы: парижанка, красившая губы ярко-красной помадой; русская, сохранившая веру в революционные идеи и говорившая о себе, что она «красная», хотя восемь лет было прожито во Франции; не одна, с сыном, которого нужно было поднимать; без денег, без традиционного систематического образования, фактически без профессии. Однако Фи́лип любил её и очень хотел ей помочь. Позже он напишет Параскеве в поздравительной открытке: «...некоторые жёны – умные, некоторые – сексуальные, некоторые – очень весёлые, я получил жену, в которой всё это соединилось вместе»[12].

Они сняли квартиру в Торонто. Фи́лип, как и многие его друзья, был членом престижного мужского клуба – «Art&Letters Club». Благодаря его дружеским связям, Параскева Кларк познакомилась с музыкантами, дизайнерами и главное – с художниками. Они приняли её в свой круг, и это дало импульс к работе: после длительного

Параскева Кларк. Прибл. 1932–1933. Канада
© Library&Archives Canada

парижского перерыва она начала много рисовать. Уже через год её пригласили участвовать в выставке Королевской канадской академии, которая состоялась в Художественной галерее Торонто. Она представила новый автопортрет (1931–32) в коричневых тонах. Необычный ракурс: её кто-то позвал и она оглянулась. Тёмные волосы, тёмные глаза, полюбившаяся красная помада. В 1933 году она выставляет портрет своего мужа «Portrait of Philip» («Портрет Фи́липа») на ежегодной выставке Онтарийского общества художников. Фи́лип сидит в кресле. Мы не видим его рук, ему как будто тесно в рамках портрета (петрововодкинский приём). Кстати, Фи́липа многие знали: в этом был некий риск,



Фи́лип Кларк. 1930-е. Торонто, Канада
© Library&Archives Canada

однако, вряд ли кто-то усомнился бы в сходстве портрета с оригиналом.

В том же году Параскева пишет ещё один автопортрет (иногда его называют «Женщина в чёрном»), который впоследствии приобретёт Национальная галерея Канады. «Великолепный портрет 1933 года, – пишет автор книги о Параскеве Кларк Мэри МакЛеклен, – показывает, как естественно она могла бы стоять на сцене, это смотрится её выходом... спокойно сложив руки, она говорит: "Я здесь!"»[13].

Её руки... Параскева считала их большими, не скрывая это даже в автопортретах. Кстати, сама она была небольшого роста, чего никак не скажешь, глядя на картину. Возможно, так она себя видела в тот период: более значительной, уверенной в себе. Чёрное платье, чёрная шляпка, по-прежнему красная помада – элегантная дама. Интересно, что бы сказала её сестра Полинка, увидев этот портрет?

В 1933 году произошло ещё одно очень важное событие в жизни Параскевы и Фи́липа: у них родился сын Клайв. Тогда же было сформировано новое сообщество художников – Canadian Group of Painters (Канадская группа художни-

Параскева со своими сыновьями Клайвом и Беном. 1934. Канада
© Library&Archives Canada

ков). Была организована выставка, в которой приняли участие не только её члены, но и другие художники, включая П. Кларк, представившую свои пейзажи (кстати, уже в 1936 году она вступила в Группу и состояла в ней до 1967 года).

С 1920 по 1933 годы в Канаде лидировала известная группа художников-пейзажистов Group of Seven (Группа Семи). Параскеве не нравились их работы, она не видела в них ничего новаторского, как пишет Мэри МакЛеклен, она смотрела на них глазами европейца того времени: «Её картина "Wheat Field" ("Пшеничное поле", 1936. – *М.Л.*) стала очень оригинальным ответом канадскому пейзажу»[14].

П. Кларк. Автопортрет.1937. Бум., акв. 53,3х50,8
© Dalhousie Art Gallery. Галифакс, Канада

Мы видим поле, написанное разными оттенками жёлтого, светло-коричневого, кремового. Мы рассматриваем его сверху и находимся достаточно высоко, чтобы не видеть колосков. Поле занимает основное пространство холста, остальную часть – несколько домиков, холмы и деревья. Его необъятность подчёркивает отсутствие неба на холсте.

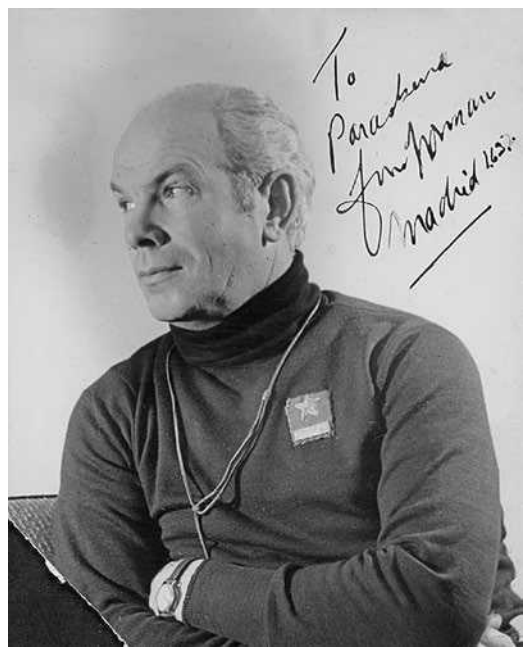
В начале 30-х в течение некоторого времени Параскева работала у французского архитектора и дизайнера Ренэ Сера́. У них были общие взгляды на европейское искусство, а Параскева очень скучала в Канаде по единомышленникам. Ренэ незадолго до этого приехал в Канаду, он помнил магазин, где работала Параскева в Париже. (На выставке, которая прошла в Оттавской художественной галерее в 2016 году, среди других работ были представлены эскизы художницы для витрин одного из торонтских магазинов сети «Eaton's».) Пожалуй, ничего подобного П. Кларк потом не рисовала, но она утверждала, что эта работа придала ей уверенности в последующих экспериментах.

Жизнь Параскевы тогда была очень насыщенной. Всё, что происходило с ней раньше – накопление жизненного опыта, испытания и потери – будто наполнило сосуд, перебродило и вылилось в жажду работать, жить, дружить, любить. Она успевала следить за двумя детьми, готовить, убирать, принимать гостей и творить. Кстати, эти темы: «художник и быт», «женщина в искусстве», всегда волновали её. Всю жизнь она пыталась ответить себе на вопрос: может ли женщина, растворённая в домашних заботах, быть настоящим художником? Часто высказывалась: нет, не может.

Личная жизнь Параскевы складывалась по-разному. Иногда ей казалось, что Фи́лип неправильно ведёт себя по отношению к Бену. Иногда её, видимо, раздражали детали налаженного красивого быта без нужды. Как-то она, видимо, пожаловалась подруге в письме, что ей не нравится, когда яйца варят в серебряном приборе, на что мудрая Эльза ответила, что когда всё вокруг красиво, почему бы и не сварить в серебре? В другом письме Эльза даёт подруге совет: «Берите это Ваше счастье, столь редкое в жизни, без копания. Доверьтесь своей любви»[15]. Кстати, подруги переписывались в течение многих лет, и всегда Эльза поддерживала Плиссу, гордилась ею, считала её молоденькой, а себя – мудрой и старой.

Благодаря достатку, который обеспечивал Фи́лип, Параскева могла позволить себе рисовать, не думая, принесёт ей это заработок или нет, и в то же время она как будто стыдилась этого благополучия (в более позднее время она скажет: «Я ненавижу капитализм»). Возможно, вспоминала о своих родных, жизнь которых никогда не была проста.

Параскева любила вкусно готовить, принимать гостей, (в доме часто собирались художники, музыканты, певцы, было много споров и много



Норман Бетьюн. 1937. Мадрид, Испания
© Library&Archives Canada

смеха), любила красивые наряды, но для самой себя очерчивала границы допустимого, которые иногда были забавными. Например, позже, когда супруги Кларк приобрели в 1940 году свой дом, решила, что за продуктами будет ходить пешком. Соседи не очень понимали, почему эта странная русская не водит машину, и почему эта худенькая женщина тащит на себе кошёлки вверх по 43 ступенькам. Несмотря на то, что Параскева была обеспеченной женщиной, она не любила неравенство и оставалась «красной» по своим убеждениям. Возможно поэтому её так потянуло к человеку, который их разделял.

П. Кларк. Подарки из Мадрида (Presents from Madrid). 1937
Бум., акв., кар. 51,5x62 © Национальная галерея Канады

Бетьюн

Доктор Бетьюн был личностью яркой, необычной, непредсказуемой. Ещё в юности он оставил университет, где учился на врача, и поехал на север провинции Онтарио, чтобы год провести с шахтёрами и лесорубами, недавно приехавшими в Канаду. Помогал им чем мог, учил английскому языку. Вернувшись в университет, Норман Бетьюн вновь оставляет его в годы Первой мировой войны, уезжает во Францию и уходит добровольцем-санитаром на фронт. После ранения возвращается домой и завершает своё медицинское образование. В качестве военного врача работает в Англии, Америке, помогает бедным. Затем переезжает в Монреаль, где у него есть возможность совершенствоваться как хирургу и изобретателю новых инструментов в хирургии. Возможно, он был слишком горяч и ершист для этой профессии, что не всегда нравилось коллегам. Открыл бесплатный медпункт, где они с единомышленниками принимали бедных пациентов. Как-то услышал доклад об успехах борьбы с туберкулёзом в СССР, вначале этому не поверил, решил съездить и посмотреть на всё своими глазами. Он продаёт автомобиль и на вырученные деньги отправляется на Международный физиологический конгресс, который

П. Кларк. Петрушка (Petroushka). 1937. Х., м. 122,4x81,9
© Национальная галерея Канады

П. Кларк. Изготовители парашютов (Parachute Riggers) 1946–47. Х., м. 101,7x81,4 © Beaverbrook Collection of War Art, Canadian War Museum. Оттава, Канада

проходил в России. В том же году вступает в коммунистическую партию Канады, не афишируя этот факт. Годом позже он, что вполне естественно, становится активным участником сбора средств в помощь испанским демократическим силам, канадцы его называют «нашим послом в Испании». Бетьюн отправляется в пылающую страну, становится главой канадской фронтовой передвижной станции переливания крови, организация которой дала возможность спасти жизни сотням раненых. Меньше чем через год он возвращается обратно в Канаду по причинам столь же противоречивым и неоднозначным, как и его характер.

Параскеву Кларк искренне волновали испанские события, всей душой она была на стороне антифашистов. И поэтому, когда вскоре после начала войны был организован канадский комитет помощи испанской демократии, она приняла участие в его работе: собирала медикаменты, средства в фонд комитета, внося и свою «финансовую» лепту... Они познакомились с Бетьюном ещё до его отъезда на испанский фронт. Выяснилось, что Норман оказался близким ей не только по политическим взглядам, он также был натурой поэтической – писал стихи, рисовал в свободное время. И какое счастье, он мог ей рассказать о России, в которой совсем недавно побывал... Кроме того, как и Параскева, Бетьюн не любил запретных тем, политкорректности, принятых формальностей и «правильной» манеры поведения. Они не скрывали, что у них роман, напротив, Параскева, кажется, гордилась им. В 1989 году вышел документальный фильм о художнике П. Кларк «Portrait Of The Artist – As An Old Lady» («Портрет художника – пожилой леди»). «О, да, это была любовь!» – говорит с экрана о Бетьюне восьмидесятилетняя, прямолинейная как и раньше, Параскева.

Из Испании доктор послал ей пилотку солдата интернациональной бригады, красный шарф, на котором изображены представители народного фронта, журнал и ноты испанской музыки. Параскева нарисовала акварельный натюрморт, который назвала «Подарки из Мадрида» (1937). А в следующем году, когда Бетьюн отправился в Китай помогать китайским коммунистам, она посылает ему портрет Мао Цзэдуна, который выполнила по фотографии. «Эти работы, – пишет Джейн Линд в своей книге о Параскеве Кларк, – соединяют в себе несколько аспектов творческой жизни Параскевы: её твёрдое убеждение, что художники ответственны за отражение реальной жизни; интерес к политическим вопросам и отношение к Бетьюну»[16].

П. Кларк много размышляла и писала о социальной роли художника. Её не могли оставить равнодушной события в Чикаго в мае 1937 года, когда на улице были убиты и ранены демонстранты. «Петрушка» – одна из её самых известных картин – отклик на это событие. Критики называли эту работу политической аллегорией. На трибуне фигурки капиталиста и полицейского, сбрасывающего с трибуны маленького человечка. Но народ на его стороне. Люди, среди которых женщины, старики, дети, освистывают их действия и смело об этом заявляют. В толпе – женщина с ребёнком на руках – не сама ли это Параскева? На заднем плане — «неправильные», непараллельные и, кстати, не североамериканские, а пожалуй, петроградские дома, по крайней мере, окна с занавесочками вполне узнаваемы. И

лица. Напряжённые, взгляды устремлены на кого-то за рамками холста, в сторону, вдаль, в себя... Такие лица на картине Петрова-Водкина «Рабочие», написанной в 1926 году. Но Параскева вряд ли видела её, так как с 1923 года уже жила в Париже. Однако это ещё раз подчёркивает, насколько сильным, хотя и непродолжительным, было влияние Петрова-Водкина на Параскеву.

Бетьюн посетил её в самом разгаре работы над «Петрушкой», как пишет Дж. Линд, «имел дерзость» взять кисточку и перекрасить коричневый дом в ярко-голубой цвет. В тот же вечер после ухода Нормана она восстановила коричневый цвет на холсте. Отсутствием характера, очевидно, она не страдала.

Война

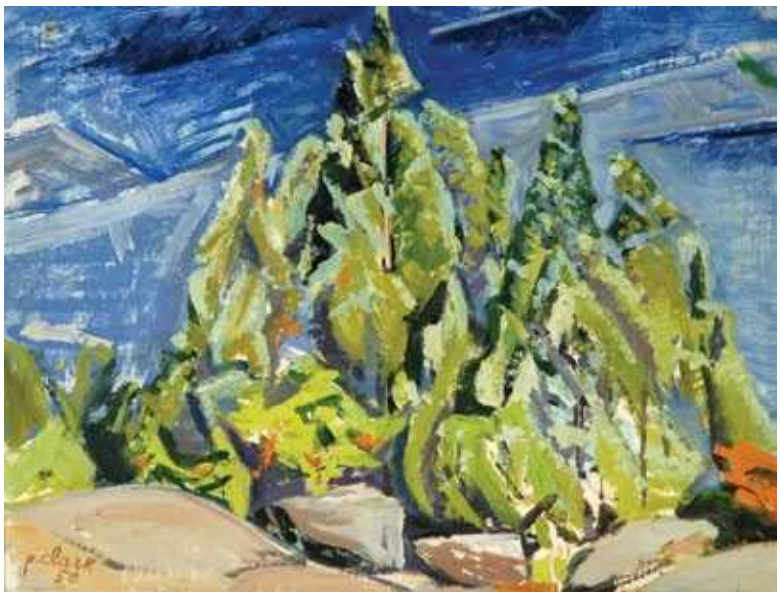
У Параскевы Кларк было немало поклонников и друзей в течение всей её жизни. Никто из них не был беден, никто из них не принадлежал к рабочему классу. Более того, муж и её покровители были «нормальными» капиталистами, и только Бетьюн – сторонником коммунистических идей. Например, крупный бизнесмен Стенли Маклейн купил десять её картин, что было особенно большой поддержкой в тяжёлые годы Великой депрессии. Это он помог Кларкам приобрести дом с 43 ступенями. Параскева и Стенли встречались и переписывались до 1954 года, то есть до года его смерти.

Когда началась Великая Отечественная война, а затем и блокада Ленинграда, Параскева очень переживала, волновалась за своих родных, не имея никакой связи с ними. Она снова возвращается к картине «Память о Ленинграде», создаёт новый автопортрет, где изобразила себя с программкой концерта «Салют, Россия!» в руках, подчёркивая причастность к тому, что происходило. Кстати, средства от концерта пошли в Фонд помощи России. На портрете Параскева серьёзна, взволнована и полна решимости.

Второй Всеканадский русский конгресс. Параскева среди участников 1944. Канада © Library&Archives Canada

В 1942 году в Канаде устроили встречу с русскими снайперами Людмилой Павличенко и Владимиром Пчелинцевым, организатором строительства оборонительных сооружений в Москве Николаем Кравченко. Параскева была среди тех, кто их встречал, поскольку принимала активное участие в работе Фонда помощи России. П. Кларк смогла убедить Стенли Маклейна оказать помощь: он не только пожертвовал свои сбережения, но и смог привлечь к этому других людей. Сбор медикаментов, денежных средств, тёплых вещей был организован не только в больших городах Канады, но и в небольших селениях. В 1943 году Параскева напишет картину «Pavlichenko and Her Comrades at the Toronto City Hall» («Павличенко и его товарищи у торонтского муниципа-

П. Кларк. Работы по техническому обслуживанию в ангаре (Maintenance Job in the Hangar). 1945. Х., м. 81,6x101,6 © Beaverbrook Collection of War Art, Canadian War Museum. Оттава, Канада



П. Кларк. Кедр, Джорджиан-Бей (Cedar Clump, Georgian Bay). 1950. Мазонит, м. 24х32,5 © Mendel Art Gallery (ныне – Remai Modern).Саскатун, Канада

литета»). В том же году открылась её вторая персональная выставка (первая состоялась в 1937-м). Все вырученные средства она передала в Фонд помощи России. Дж. Линд писала: «Она верила, что искусство может быть силой в военное время»[17]. В 1945 году Параскева пишет картину «Maintenance Jobs in Hangar» («Работы по техническому обслуживанию в ангаре»). Для того, чтобы создать это полотно, она ездила в военную часть, длительное время наблюдала за работой женщин. Две других картины, посвящённые труду женщин во время войны, были написаны в первые послевоенные годы. Сегодня они в собрании Канадского военного музея в Оттаве. Только действуя, работая, организовывая что-то, она могла выразить солидарность со страной, где жили близкие ей люди.

П. Кларк. Октябрьская роза (October Rose). 1941. Х., м. 41,2х46,4 © Robert McLaughlin Gallery. Ошава, Канада

В 43-м пришла беда: серьёзно заболел старший сын Бен. Он учился в центральной технической школе. Подавал большие надежды в рисовании. Истинные причины его болезни неизвестны, возможно, проявилась наследственность (как известно, душевнобольной была сестра его отца Ольга), кроме того, он очень близко к сердцу принял войну – конфликт, который означал для него противостояние России и Италии. Диагноз был поставлен – шизофрения. Все мысли Параскевы были сосредоточены на сыне. Судьба в который раз обошлась с ней немилосердно. Вся её последующая жизнь и даже те события, которые происходили вне дома, в мировом пространстве, были окрашены несветлыми красками этой беды. Болезнь Бена накладывала отпечаток на уклад всей семьи, естественно ограничивала независимость каждого из них. Однако несмотря на то, что материнство и замужество Параскева считала главными в женской судьбе, она постепенно приспособилась, а точнее, смогла выстоять в новых, сложных обстоятельствах, и продолжала работать.

Вспоминая детство, Параскева в 1944 году пишет картину «Public Bath – Leningrad»(«Общественные бани – Ленинград»). Лёгкая акварель, полная движения, пара, чистоты... В шестидесятые годы она напишет вариант этой картины маслом с небольшими изменениями, которая напоминает произведение Петрова-Водкина «Утро. Купальщицы» 1917 года, где мы видим обнажённую фигуру матери, держащей за руку сынишку. И на картине П. Кларк, и на картине К.С. Петрова-Водкина мать и дитя – центральные образы.

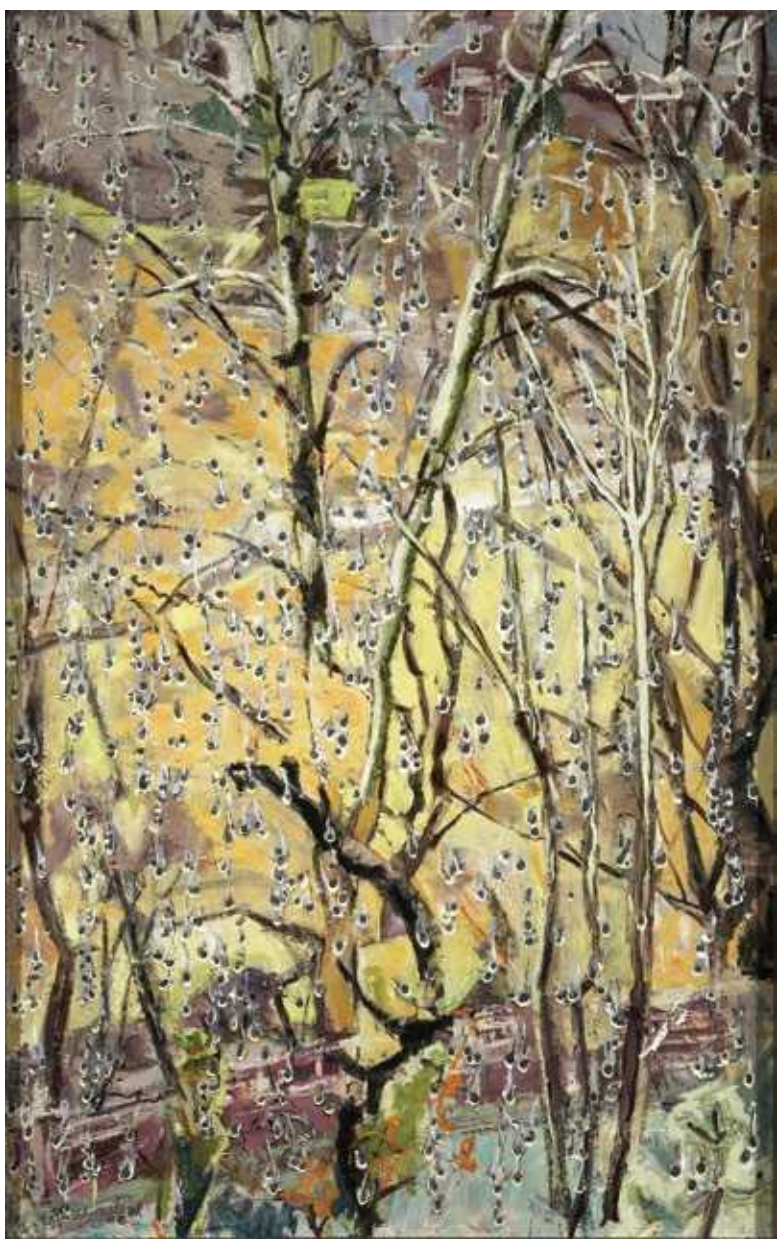
Примерно к этому времени относится портрет Мюррея Адашкина (друга Фи́липа Кларка, с которым они вместе зашли в парижский магазин). Семейную дружбу с ним Кларки сохранили на всю жизнь. Годом рань-

ше был создан портрет известного канадского художника А. Джексона, одного из лидеров Группы Семи, и другие портреты, натюрморты, пейзажи. Конечно, военное время было для Параскевы нелёгким, целый клубок переживаний не давал покоя: невозможность узнать что-либо о родных в Ленинграде, думы о России, болезнь сына... Но в такие непростые времена она не уходила в депрессию, напротив – становилась активной, работоспособной, ценящей каждую минуту... Несмотря на драматические события в мире и в личной жизни, именно пристальное внимание канадцев к России придавало ей сил. Она становится вице-президентом Канадского общества акварелистов, вице-президентом Федерации русских канадцев. В 1944 году собирается второй Всеканадский русский конгресс. Параскева выступает с речью, которая по стилю, содержанию, манере ничем не отличается от речей, звучавших в то время с любой российской трибуны – и это удивительно: ведь она покинула Россию в 23-м году! П. Кларк читает патриотические лекции о русском искусстве, печатает свои статьи в русском журнале «Вестник», издававшемся в Канаде. Всё это нисколько не мешает ей любить страну, в которой она живёт, её природу, её людей, страну, которую она называет «землёй Надежды».

С наступлением холодной войны и связанной с ней конфронтацией России и Канады, произошло много изменений. Скажем, Клайв, её младший сын, не мог пригласить друзей в дом, где висели портрет Ленина и красный флаг в маминой мастерской. Параскева перестала выступать с лекциями, исчезла возможность печататься в русскоязычной прессе. Ей хотелось немедленно помирить две любимые ею страны, которые в одночасье рассорились. Веря в силу искусства, она предложила обменяться художественными выставками, писала письма в соответствующие инстанции.

В 1957-м болезнь Бена обострилась, и он был госпитализирован. Где эта хрупкая маленькая женщина черпала силы? Несмотря на то, что отношения с мужем были непростыми, он всегда поддерживал её. Никогда не покидали её друзья-канадцы, дружба с которыми не зависела от политического климата в государствах. Её преданный друг Маклейн тяжело болел в конце жизни. Он уже был не в силах забраться по 43 ступенькам – Параскева спускалась к нему вниз, и они беседовали в его машине. Её радовали успехи Клайва, который стал архитектором, женился, в его семье было трое детей. Почти каждый уикенд они приходили к Параскеве и Фи́липу на обед, который она исправно готовила к их приходу. Её успокаивали сад и садоводство, которыми она серьёзно увлекалась.

Параскева часто критически относилась к своим работам и собственному творчеству в целом. Как всякий художник с тонким душевным устройством она реагировала на атмосферу в обществе и в собственной семье, иногда она работала меньше и, как ей казалось, менее



П. Кларк. Дождь на стекле (Rain on the window). Прибл. 1963
Доска, м. 96,5х60,8 © Art Gallery of Hamilton. Гамильтон, Канада

Параскева Кларк. 1944. Канада
© Library&Archives Canada

успешно. Искала новые для себя стили и техники. Часто была недовольна собой, ещё чаще скорбела о том, что родилась женщиной. Обожала Пикассо и абстракционизм, но считала, что женщине не дорасти до таких высот никогда. Однако не прекращала творить: «...я буду трудиться настолько упорно, насколько это возможно для старой девочки»[18].

Она пишет больше натюрмортов, пейзажей, как будто бы больше замыкаясь в себе, прячась от событий в своём мире-доме. Многие пейзажи написаны из окна, служащего рамкой, фоном или самостоятельным объектом (идеи Учителя?). Одна из её прекрасных работ – «Rain on the Window» («Дождь на стекле»). Судя по голым деревьям, Параскева изобразила сильный осенний дождь. Крупные капли, густо стекающие по стеклу, похожи на слёзы, но, тем не менее, печаль Параскевы светла, и картина полна света. Кстати, год создания этой картины, как и некоторых других картин П. Кларк, считался неизвестным. На это обратила внимание независимый искусствовед Кристин Буяноски: «Что могут означать эти две буквы, которые Параскева написала рядом с фамилией?» Признаться, я догадалась не мгновенно. В данном случае, на картине «Дождь на стекле» под её подписью были изображены две строчные русские буквы «ш» и «т». Но это же дата написания картины – шестьдесят третий год! Почему Параскева вдруг зашифровала год написания этой и других картин по-русски, остаётся только догадываться. А может быть, она ждала нашего с вами внимания и верила, что когда-то её работы увидят в России...

В 1966 году П. Кларк стала членом Королевской канадской академии искусств. Последние десятилетия она продолжала принимать участие во многих художественных выставках. Когда ей исполнилось 80, она сказала, что перестала рисовать. В 1982–83 годах в одной из канадских галерей (Dalhousie Art Gallery), находящейся в Галифаксе, открылась персональная выставка «Параскева Кларк: живопись и рисунок», где было представлено 46 её работ, написанных с 1925 года. Выставка была показана в трёх городах Канады. Это был красивый итог её большой творческой жизни.

П. Кларк. Портрет Мюррея Адашкина
(Portrait of Murray Adashkin) 1944–45. Х., м. 98,7x75
© Library&Archives Canada

П. Кларк. Калла (Calla Lily). 1965. К., м. 61x51
© Art Gallery of Windsor. Виндзор, Канада

Послесловие

Отец Параскевы Авдей Плистик умер незадолго до войны. Все остальные родные погибли во время блокады Ленинграда.

Ничего не известно о судьбе подруги Эльзы Брахмин, вероятно, она тоже не выжила во время блокады.

Орест Аллегри-старший приезжал в Канаду после войны, очень скучал по своему внуку Бенедетто. Жену Екатерину он потерял ещё в 1937-м. Пытался найти работу декоратора в американском балете, однако, не был востребован. Умер в Париже в 1954 году в бедности.

Нортон Бетьюн продолжал помогать всем коммунистам мира. Умер от заражения крови в 1939 году в Китае, где ему поставлен памятник как герою китайско-японской войны. О нём знает каждый китайский школьник.

Фи́лип Кларк умер в 1980 году, так и не придя к согласию в житейских и политических вопросах со своей единственной и любимой женой.

Последние годы Параскева тяжело болела и нуждалась в постоянной медицинской помощи, поэтому Клайв и его жена приняли трудное для них решение поместить её в дом для престарелых, с чем Параскеве сложно было смириться.

Бенедикт Аллегри жил с семьёй сводного брата Клайва, которая заботилась о нём вплоть до его кончины в 2006 году.

Дочь Клайва и Мэри Кларк Паня Кларк-Эспиналь, носящая забытое детское имя своей бабушки, стала художником. Её работы выставлялись в Канаде, Японии, Англии и других странах мира.

В 2015 году Клайв Кларк написал мне: «Мама была бы очень довольна, услышав, что о ней напишет журнал об искусстве, выходящий в России».

Мария Лакман,
исследователь, Канада
(www.artmemories.vpweb.ca)

Автор благодарит Клайва Кларка, сына Параскевы Кларк; Паню Кларк-Эспиналь, её внучку; Марка Мейера, директора Национальной галереи Канады; архивиста Фи́липа Домбовского и Равен Амиро, ответственную за соблюдение авторских прав, Национальной галереи Канады; Мишель Гевурц, куратора Оттавской художественной галереи; Кристин Бояноски, искусствоведа, независимого куратора, лектора и писателя; Шилу Робертсон, куратора по связям с общественностью и регистратора Дональда Роча Mendel Gallery (ныне –

П. Кларк. Посвящение советскому фильму «Депутат Балтики» (Homage to a Soviet film Baltic Deputy). 1968. Мазонит, м., графит 92,1x76,6 © Ottawa Art Gallery. Канада

П. Кларк. Лошади ждут (Horses Waiting). 1948. Бум., акв. 24,2х30,5
© Agnes Etherington Art Centre, Queen's University. Кингстон, Канада

Remai Modern Gallery); Дженифер Николл, менеджера коллекций Agnes Etherington Art Gallery, Queen's University; Сьюзен Росс, работника Канадского военного музея; Николь Маккейб, координатора художественной галереи Виндзора; Кристин Браун, менеджера и исследователя коллекционного фонда художественной галереи Гамильтона; Соню Джонс, куратора Robert McLaughlin Gallery; Сим Корриган, администратора Dalhousie Art Gallery.

П. Кларк. Без названия (Untitled). 1970. Мазонит, м. 34,3х29,4
© Mendel Art Gallery (ныне – Remai Modern).Саскатун, Канада

The author gratefully acknowledges the help of: Clive Clark, son of Paraskeva Clark; Panya Clark-Espinal, her granddaughter; Marc Mayer, Director and CEO of National Gallery of Canada, Philip Dombowsky, Archivist and Raven Amiro, Copyright Officer of National Gallery of Canada; Michelle Gewurtz, Curator of Ottawa Art Gallery; Christine Boyanoski, Art Historian, Independent Curator, Lecturer and Writer; Sheila Robertson, Communications Coordinator and Donald Roach, Registrar of Mendel Gallery (Remai Modern Gallery); Jennifer Nicoll, Manager of Collections of Etherington Art Centre, Queen's University; Susan Ross, Image Reproduction Technician of Canadian War Museum, Nicole McCabe, Curatorial Coordinator Art Gallery of Windsor; Christine Braun, Collections Manager and Research of Art Gallery of Hamilton; Sonya Jones, Curator of The Robert McLaughlin Gallery; Sym Corrigan, Administrative Assistant/Design and Communications of Dalhousie Art Gallery.

Примечания

1,2. Clark P. Guggenheim application notes // Library&Archives Canada. (Здесь и далее – пер. авт.).

3. Мичурин Г.М. Горячие дни актёрской жизни. Ленинград: Искусство, 1972. Гл. 3.

4,5. Там же. Гл. 9.

6. Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924. Захаров, 2010.

7. Письмо Э. Брахмин к П. Аллегри. Б/д // Library&Archives Canada.

8. Письмо А. Плистика к П. Аллегри от 16.12.1931 // Library&Archives Canada.

9. Письмо П. Плистик к П. Аллегри. 1924 г. // Library&Archives Canada.

10. Письмо П. Плистик к П. Аллегри. 1925 г. // Library&Archives Canada.

11. Clark P. Guggenheim application notes...

12. Поздравительная открытка Ф. Кларка к П. Кларк. Б/д // Library&Archives Canada.

13. Mary E.MacLachlan. Paraskeva Clark. Paintings and Drawings. Halifax: Dalhousie Art Gallery (Dalhousie University), 1982. P. 18.

14. Ibid. P. 22.

15. Письмо Э. Брахмин к П. Кларк. Б/д // Library&Archives Canada.

16. Lind J. Perfect Red. The Life of Paraskeva Clark. Toronto: Cormorant Books Inc., 2009. P. 105.

17. Ibid. P. 144.

18. Письмо П. Кларк к МакКари от 24.06.54 // Library&Archives Canada.

П. Кларк. Фрукт (Fruit). 1957. Х., м. 26,7х34,5
© Mendel Art Gallery (ныне – Remai Modern).Саскатун, Канада

П. Кларк. Маленькое озеро в Тадуссаке (Little Lake in Tadoussac)
1945. Х., м. 51,1х61,5 © Robert McLaughlin Gallery. Ошава, Канада